Е. Л. КОСТИНА

К ИСТОРИИ РАННИХ КОМЕДИЙ ЕКАТЕРИНЫ II

В 1772 г. русская императрица Екатерина II выступила в новом и весьма необычном для себя качестве: она представила публике несколько комедий собственного сочинения. Пьесы анонимного автора, объединенные ссылкой на то, что писаны они «в Ярославле», сразу же привлекли внимание любителей театра и имели заслуженный успех. К сожалению, время не пощадило большинство материалов, дающих возможность восстановить судьбу этих произведений. Печатные тексты комедий, став библиографической редкостью еще в начале XIX в., вызвали немало споров среди историков литературы. Буквально каждый вопрос, связанный с атрибутацией ранних пьес, рождал расхождения во взглядах исследователей: когда они были впервые поставлены на театре, когда напечатаны, сколько раз переиздавались?... Видимо, библиографическая неопределенность, довлевшая комедиям, как-то отразилась и на анализе их художественных особенностей: исследователи, за исключением П. К. Щебальского и В. В. Сиповского,[1] практически обходили этот вопрос.

В настоящей работе нам хотелось бы представить новые материалы, позволяющие прояснить историю бытования в XVIII в. трех ранних пьес Екатерины: «О, время!», «Именины госпожи Ворчалкиной» и «Госпожа Вестникова с семьею», а также отметить некоторые особенности творческого метода императрицы, сказавшиеся в работе над комедиями.

---

[1] См.: *Щебальский П. К.* Драматические и нравоописательные сочинения Екатерины II // Русский вестник. 1871. № 5—6; см. также: *Сиповский В. В.* Из истории русской комедии XVIII века. Пг., 1917.

© Е. Л. Костина, 1993

1

Старейшая из пьес Екатерины комедия «О, время!» вышла в свет анонимно, с большим подзаголовком: «О, время! Комедия в трех действиях. Сочинена в Ярославле во время чумы 1772 года». Все в этих словах — литературная игра, в XVIII в. вводившая в заблуждение и зрителей и читателей, а позднее вызывавшая многочисленные споры исследователей. До сих пор остается неясным, почему местом жительства «сочинителя» императрица избрала русский город Ярославль, но еще большее недоумение вызывает выставленная в подзаголовке дата: 1772 год. Нередко она принимается за время написания комедии, как, например, в записи от 20 января 1791 г. в дневнике А. В. Храповицкого: «В Ермитаже давали еще „Федула" и комедию „О, время!". Я служил верой и правдой и подал афиш. „О, время!", сочинение 1772 года, во время чумы; принято сухо, но „Федул" аплодирован».[2] Однако известно, что до 12 апреля 1772 г. пьеса была трижды представлена на театре, а это значит (если согласиться с датировкой 1772 г.), что для ее написания и постановки потребовалось всего лишь три месяца... Срок предельно краткий даже для профессионального драматурга, не говоря уже о дебютанте! А если учесть, что во время великого поста, который начался 27 февраля, театры были закрыты, то очевидно, что 1772 г. означает скорее время издания или первой постановки, но никак не время написания комедии. Заметим кстати, что 1772 г. выставлен и на сохранившейся в бумагах Екатерины копии комедии, сделанной И. П. Елагиным,[3] причем копия, вероятно, снималась уже после появления комедии в публике, поскольку на аналогичной копии пьесы «Именины госпожи Ворчалкиной» имеется приписка Елагина: «Оригинал, каков к поправлению мне дан от Автора, от слова до слова и с тою же орфографиею, дабы не был сожжен, как и первая комедия „О время"».[4] Приписка эта сделана вверху листа тогда, когда весь текст был написан, и явно носит характер «для памяти». С той же целью, думается, был выставлен и год на рукописи комедии «О, время!», он, как и в печатном издании, имеет чисто служебную функцию и не отражает истинного времени работы над пьесой.

Но когда же в таком случае была написана пьеса? Логично предположить, что это произошло, как и указано в подзаголовке, «во время чумы», т. е., вероятно, в 1771 г., тем более что именно

---

[2] Дневник А. В. Храповицкого. 1782—1793 / По подлинной рукописи с биограф. ст. и объяснит. указ. Н. Барсукова. СПб., 1874. С. 355.

[3] ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 335, л. 1.

[4] ЦГАДА, ф. 1, № 341, л. 52.

этот период отмечен некоторым перерывом в литературной деятельности Екатерины: она как бы «забывает» об обещании выпустить в свет третью часть «Антидота», принимается, но не оканчивает автобиографические записки... Возможно, творческое молчание знаменовало собою не кризис, а скрытую напряженную работу, позволившую императрице в начале 1772 г. выступить сразу с тремя пьесами. Однако эта версия нуждается во всестороннем рассмотрении.

Любопытное, на наш взгляд, замечание было сделано Екатериной в заключительном номере «Барышка „Всякой всячины“». Тогда, в мае 1770 г., анализируя достоинства собственного журнала, императрица заметила, что, по ее мнению, тех правил, кои выработаны «Всякой всячиной», следует держаться не только в книгах, но и «в позорищах», т.е. в комедиях, и чуть ниже в этой же статье сообщила: «И сию оканчивая, объявляю вам, что я приемлю другое ремесло, где достанутся от меня многим щедрые милости».[5] Несомненно, речь шла о новом литературном начинании, которое должно было бы продолжить традиции «Всякой всячины». Но единственным произведением, появившимся в том же 1770 г. был «Антидот», имевший совсем иную цель, чем раздача «щедрых милостей». Не принес перемен и год 1771-й, а затем появились комедии — яркие, остросатирические, непосредственно связанные с публицистикой. Так не была ли работа над ними тем самым «другим ремеслом», о котором писала Екатерина?

Предположение это необычно только на первый взгляд. Направленные против ханжества, мотовства, душевной и умственной ограниченности, пьесы били по тем же мишеням, что и статьи «Всякой всячины», да и герои ранней драматургии и публицистики императрицы — суть одни и те же лица. Так, например, в третьем номере журнала рассказывается, как издатель попадает в старинный московский дом и знакомится с его хозяйкой, слепо верящей приметам и предсказаниям, отгородившейся от мира различными суевериями. Разве не напоминает эта ситуация ту, что описана в комедии «О, время!»? Кроме того, в статье со свойственной публицистике назидательностью Екатерина делает вывод: «Разврат мыслей таковых подвергает множество людей не только излишним страхам, но еще тяжелым осторожностям, кои ни к чему не приводят. Все же сие основано на страхе и незнании, в коих нас оставляют с младенчества».[6] И опять-таки сентенцию статьи можно с полным ос-

---

[5] Всякая всячина: Еженед. СПб., 1770. № 176. С. 552. (С 1770 г. изд. под загл.: «Барышек „Всякой всячины“»).

[6] Всякая всячина. 1769. № 6. С. 21.

нованием отнести к самой ранней из комедий. А ведь третий номер «Всякой всячины» вышел в свет еще в 1769 г.! И нет ничего удивительного, что со временем Екатерина, все более и более убеждаясь в неприемлемости для себя журналистики как формы литературной работы, обращается к «другому ремеслу» — к драматургии.

Интересное и, пожалуй, наиболее авторитетное свидетельство тому, что в заключительной статье «Барышка» речь шла именно о драматургии, мы склонны видеть в знаменитом «Неизвестному г. сочинителю комедии „О, время!" приписании» Н. И. Новикова. Обращаясь к автору пьесы, Новиков всячески подчеркивает его заслуги: «Вы первый сочинили комедию точно в наших нравах; вы первые с таким искусством и остротою заставили слушать едкости сатиры с приятностию и удовольствием; вы первый с такой благородной смелостью напали на пороки, в России господствовавшие; и вы первый достойны по справедливости великой похвалы, во представлении вашей комедии оказанной».[7] Но ведь именно эти качества выделяла и сама императрица в заключительной статье «Барышка», подчеркивая достоинства своей сатиры: «Но я хотел показать: первое, что люди иногда могут быть приведены к тому, чтобы смеяться самим себе; второе, открыть дорогу тем, кои умнее меня, давать людям наставления, забавляя их; и третье, говорить русским о русских, а не представлять им умоначертаний чужестранных, коих они не знают, а следовательно, не могут найти забавы в них...»[8] Вряд ли такое совпадение случайно, ведь тексты разделяет почти два полных года. Скорее всего, Новиков хорошо знал и издателя «Всякой всячины», и «неизвестного Г. сочинителя», и то значение, которое придавалось пьесам при дворе, а потому, презрев комедии других авторов, в том числе Сумарокова и Фонвизина, он демонстративно отдает пальму первенства императрице.

Весьма любопытна и небольшая заметка «Из Ярославля», помещенная в шестом номере «Живописца» и целиком посвященная родине сочинителя нашумевшей комедии. Не говоря уже о том, что заметка эта еще раз подтверждает знакомство Новикова с «неизвестным» автором (он не мог получить такую корреспонденцию из Ярославля, а следовательно, сам включился в литературную игру), мы хотели бы обратить внимание на следующую фразу: «И мы можем хвалиться, что Ярославль первый из городов российских обогатил русский театр тремя комедиями в наших нравах».[9] Здесь речь идет уже о «трех комедиях», в то время как в «Приписании» упо-

---

[7] Живописец: Еженедельное на 1772 год сочинение. СПб., 1772. Лист 1. С. 5.

[8] Всякая всячина. 1770 № 176. С. 552

[9] Живописец. 1772. Лист 6. С. 45—46.

миналось лишь «О, время!». Это значит, что в течение шести недель — с 12 апреля по 21 мая — состоялись премьеры двух новых пьес императрицы. Каких? Одну из них называет сама Екатерина в следующем, седьмом номере «Живописца» — это «Именины госпожи Ворчалкиной». А вот вторая? Предположительно, ею могла быть пьеса «Госпожа Вестникова с семьею», имеющая некоторую связь с комедией «О, время!», однако сведений о сроках ее постановки практически не сохранилось, а выход в свет первого печатного издания в одних источниках означен как 1772 год, в других — как 1774. Такое расхождение и разрыв в датировке первых публикаций других ранних пьес («О, время!» — 1772 г., а «Именины госпожи Ворчалкиной» — 1774-й) заставили нас обратиться к газетным объявлениям 1772 г. о поступивших в продажу книгах. Результат не замедлил сказаться: прибавления к № «С-Петербургских ведомостей» от 6 ноября 1772 г. сообщали: „В Луговой Миллионной у переплетчика Миллера продаются новые комедии, сочиненные в Ярославле»: 1) «О, время!» в трех, 2) «Именины г. Ворчалкиной» в пяти, 3) «Г. Вестникова с семьею» в одном действиях. Все три вместе по семьдесят копеек".[10] Несколько позднее, 18 декабря, и в «Московских ведомостях» также появляется объявление о всех трех комедиях вместе. Таким образом, не вызывает сомнений, что третьей из ранних пьес была именно комедия «Госпожа Вестникова с семьею», изданная, как и другие пьесы, во второй половине 1772 г.

Вместе с тем о комедии «О, время!» следует сказать особо. «Московские ведомости» сообщали о ее продаже уже в начале июня (см. Прибавление к № 54 и «Московские ведомости», № 55). Чем иным, как не иронией судьбы, можно объяснить, что пьеса, высмеивающая московских дворян (в противовес просвещенным петербуржцам), появилась в первопрестольной на полгода раньше, чем в северной столице! Привлекает внимание и подзаголовок, данный в объявлении: «„О, время!", комедия, сочиненная в Ярославле во время чумы 1771 года».[11] Характерна дата — 1771 г.; скорее всего, она является не опечаткой, а попыткой книгопродавца Никиты Дмитриева привести свое сообщение с логикой и хронологией. Да и в целом комедия «О, время!» имеет, по-видимому, гораздо более сложную печатную судьбу, чем это трактуется в каталогах.[12] Традиционно принято считать, что пьеса в XVIII в. была опубликована дважды: первый раз без указания года издания (об

---

[10] С.-Петербургские ведомости. Прибавление к № 89. 1772. 6 ноября.

[11] Московские ведомости. Прибавление к № 54. 1772. 6 июля.

[12] Так, например, в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800» о единственном отдельном издании комедии сказано: «Судя по шрифтам, напечатано в первой половине 1770-х годов» (М., 1962. Т. 1. С. 335).

этой публикации речь шла выше) и второй — в XI томе альманаха «Российский Феатр» вместе с другими ранними комедиями в 1786 г. Некоторые историки литературы, например М. Н. Лонгинов, указывают на существование отдельных оттисков комедии из «Российского Феатра».[13] Но имеющиеся сведения никак не объясняют тот факт, что 23 января 1786 г., т. е. через четырнадцать лет после первого выхода издания, в «С.-Петербургских ведомостях» вновь появляется объявление о продаже комедий «О, время!» и «Госпожа Вестникова с семьею», по 30 коп. каждая, у купца Овчинникова, «против Гостиного двора в доме г. Шемякина под № 22».[14] Возможно, речь идет о каком-либо неизвестном издании пьес Екатерины,[15] а может быть купец Овчинников просто торговал подержанными книгами!... Заметим только, что это издание никак не могло быть оттиском из «Российского Феатра», поскольку первое объявление о замыслах Академии появилось только спустя десять дней — во вторник, 3 февраля. Остается надеяться, что сравнение максимально большего числа экземпляров комедии «О, время!» позволит выяснить, сколько же раз она издавалась в XVIII в.

Не менее, чем печатная история, запутана и сценическая судьба ранних пьес императрицы. По удивительному стечению обстоятельств в Архиве Дирекции императорских театров практически не сохранились документы, относящиеся к 1772 г. или к концу 1771 г. Историю первых постановок возможно восстановить только путем сопоставления косвенных данных. Так, из «Приписания» Новикова известно, что до 12 апреля «О, время!» была трижды представлена на придворном театре, причем Екатерина публично выразила свое удовольствие комедией. В период с 1 января по 12 апреля в «Камер-фурьерском журнале» за 1772 год четырежды упоминается о ее присутствии на представлении российской комедии — 20 января, 10, 14 и 26 февраля. Несомненно, что одним из этих спектаклей была комедия «О, время!» (если, конечно, допустить, что Екатерина видела собственную пьесу лишь один раз). Сообщение о спектакле 10 февраля 1772 г. вполне обычно: «А в вечеру в исходе 6-го часа Ее императорское величество и Его императорское высочество соизволили проходить в Оперный дом и смотреть представленной рос-

---

[13] См.: *Лонгинов М. Н.* Драматические сочинения Екатерины II // Молва. 1857. № 3. С. 34.

[14] С.-Петербургские ведомости. 1786. 23 янв.

[15] Издание комедии «О, время!» 1786 г. упоминается под № 5801 лишь в «Росписи российским книгам В. Плавильщикова». Однако это сообщение по неизвестным причинам почти не принималось исследователями во внимание, а кроме того, ни в одном из каталогов нет указания на издание в 1786 г. пьесы «Госпожа Вестникова с семьею»

сийской комедии при одном балете; после оной возвратилась Ее величество во внутренние свои апартаменты».[16] Однако на следующий день, 11 февраля, Екатерина пишет коротенькую записочку И. П. Елагину: «Иван Перфильевич, вчерашним семерым актерам подарите от меня каждому по три ста рублев за то, что столь хорошо играли, ведь я французам дарила же, а деньги возьмите из Кабинета».[17] Все в этой записке заставляет думать, что речь идет именно о комедии «О, время!»,— и указание на вчерашний спектакль, на русскую комедию, и обращение к Елагину, исполнявшему в то время обязанности директора придворного театра и музыки, и главное — упоминание о семерых актерах, ведь именно столько персонажей в первой комедии императрицы. Да и подарок Екатерины — 300 рублей — сумма весьма значительная! Возможно, спектакль 10 февраля и не был премьерой, но, несомненно, это было одно из первых представлений.

С самого начала яснее других представлялась ситуация, связанная с премьерой пьесы «Именины госпожи Ворчалкиной», так как в XI томе «Российского Феатра» перед текстом комедии имеется пометка: «В первый раз представлена была на придворном театре апреля 27 дня 1772 года».[18] Екатерина не присутствовала на премьере, поскольку 23 апреля она отбыла в Царское Село, однако уже 30 апреля, в понедельник, «на театре, что за галереею», в Царском Селе «представлена была новая российская комедия с пиесою без балета». Подчеркнув, что комедия была «новая», Камер-фурьерский журнал сообщал, как после спектакля «в Портретной комнате всемилостливейше ее величество соизволила всех актеров жаловать к руке».[19] Именно этот знак особого благоволения позволяет предположить, что в этот день была разыграна именно пьеса «Именины госпожи Ворчалкиной».

Суммируя вышесказанное, можно со всей определенностью утверждать, что замыслы ранних пьес возникли у императрицы еще в середине 1770 г. и в течение следующих полутора лет — до начала 1772 г. — они стали реальностью. Три первых пьесы — «О, время!», «Именины госпожи Ворчалкиной» и «Госпожа Вестникова с семьею» — в январе—мае 1772 г. были поставлены на сцене, а во

---

16 Камер-фурьерский церемониальный, банкетный и походный журнал 1772 года. СПб., [б. г.]. С. 53.

17 Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел / Собр. и изд. акад. Я. Гротом. СПб., 1874. Т. 3: 1762—1774, сентября 30-го. С. 220.

18 Российский Феатр. СПб., 1786. Т. 11 С. 86.

19 Камер-фурьерский церемониальный, банкетный и походный журнал 1772 года. С. 137.

второй половине года изданы отдельными книжками, при этом лучшая из пьес — «О, время!» — была издана раньше и уже в июне 1772 г. поступила в продажу в Москве.

Теперь, установив необходимые библиографические подробности, перейдем к анализу некоторых художественных особенностей этих пьес.

2

Современники высоко оценивали первые комедии Екатерины. И хотя новизна, подчеркиваемая Н. Новиковым, и техническое совершенство, выделяемое автором «Драматического словаря», не были собственными ее сценическими открытиями, публика охотно приняла и полюбила комедийных героев императрицы. Использованный ею творческий метод несомненно близок художественным исканиям литераторов, обратившихся к теории «переложения», которая в шестидесятые годы затронула многие жанры, оказала влияние на становление национальной драматургии. Приспосабливая пьесы западноевропейских авторов «на наши нравы и обыкновения», И. П. Елагин, Д. И. Фонвизин, Б. Е. Ельчанинов прежде всего стремились к конкретному изображению российской действительности, а В. И. Лукин, наиболее обстоятельно и последовательно проводивший взгляды елагинского кружка, заявлял: «Мне всегда несвойственно казалось слыщать чужестранные речении в таких сочинениях, которые долженствуют изображением наших нравов исправлять не столько общие всего света, но более участные у нашего народа пороки...»[20] Знакомство императрицы с творчеством Лукина не вызывает сомнения: в 1769 г. «Всякая всячина» защищает его от нападок «хулителей», а в 1770 г. в заключительной статье «Барышка» явственно слышны отголоски его знаменитых предисловий к комедиям.

Екатерина полностью принимает провозглашенное кружком Елагина требование национального содержания, подчеркнутый интерес к бытовой тематике, а также теорию заимствования из иностранных авторов, хотя и не заявляет об этом последнем положении открыто. Оставив без изменения главную черту классицизма, — дидактическую направленность,— она в свою очередь по-новому подошла к созданию художественных образов. В ранних комедиях практически нет напыщенных монологов-самохарактеристик, присущих, например, творчеству А. П. Сумарокова, нет и неестественных ситуаций, когда по воле автора герои не замечают абсурдности происходящего. Напротив, комедийные герои Екатерины наделены

---

[20] Сочинения и переводы Владимира Лукина. СПб., 1765. Ч. 2. С. V.

своей логикой, которая движет их речью и поступками и обнаруживает себя не вдруг, а исподволь, в самых обыкновенных обстоятельствах. Большинство действующих лиц наделены живыми, вполне реальными чертами и, оставаясь в целом в рамках традиций классицизма, превращаются из персонажей-символов, персонажей-эмблем в легкоузнаваемые жизненные и литературные типы.

Тема первых пьес — повседневная жизнь заурядного российского дворянства. Но как и где императрица, прочно отгороженная от реальностей русского быта, могла подметить необходимые детали и подробности? Сама она сообщала в «Живописце»: «Комедию мою сочинил я, живучи во уединении во время свирепствовавшей язвы; при сочинении оной не брал я находящихся в ней умоначертаний ниоткуда, кроме собственной моей семьи; следовательно, не выходя из дому своего нашел я в нем одном к составлению забавного позорища довольно обширное поле для искуснейшего пера, а не для такого, каковым я свое почитаю».[21] Поразительно, как настойчиво указывает Екатерина на собственную семью, подчеркивает, что черпала материал «не выходя из дому своего». Что это — авторское кокетство, литературная игра или намек на действительные обстоятельства? Отметим только, что ни в 1772 г., ни позднее она ни разу не упомянула, что комедия «О, время!» явилась лишь переделкой (в духе теории Лукина) пьесы немецкого писателя Х. Ф. Геллерта «Богомолка» («Die Betschwester». Правда, императрица блестяще ее отредактировала: сократила натянутые сцены, ввела чисто российские реалии и живой, разговорный язык, дописала два новых образа...[22] Сравнение текстов двух комедий — оригинала и переделки — дает великолепный материал для уточнения особенностей творческого метода Екатерины. Вот, например, первая сцена, в которой происходит заочное знакомство зрителей с главной героиней: фрау Рихардинн у Геллерта и Ханжахиной у Екатерины:

БОГОМОЛКА

Lorchen. Sie betet uns oft um das Mittagsessen, und nie ist sie andächtiger, als um die Stunde, da die Köchinn das Marktgeld hohlen will. Sie hat ihr schon aus frommen Eifer zweymal das Gebetbuch an den Kopf geworfen, weil sie so unverschämt gewesen ist und sie im Singen gestort hat.[23]

---

[21] Живописец. 1770. Лист 7. С. 49.

[22] См. *Чебышев А. А.* Источник комедии императрицы Екатерины «О, время!». СПб., 1907. Характерно, что уже в 1774 г. «Богомолка» вышла отдельным изданием в достаточно точном и несомненно удачном переводе Михаила Матинского.

[23] Перевод: «Лорхен. Она часто читает нам молитвы в обед и не особенно благоговейна бывает в то время, когда повариха приносит денежные счета. Она уже

Мавра. Она, швырнув однажды в меня молитвенником, столь сильно мне голову расшибла, что я с неделю лежать принуждена была. А за что? За то только, что я пришла во время вечерни доложить ей, что купец пришел за деньгами...[24]

Нельзя не заметить, насколько удачнее, сценичнее, по сравнению с несколько декларативным текстом Геллерта, Екатерина выразила мысль о жестокости и двуличности героини: здесь и разговорные интонации с наивным риторическим вопросом, и сама жертва хозяйского произвола — Мавра.

Нередко, следуя за текстом Геллерта, императрица вдруг вводит свою, яркую, отсутствующую в оригинале подробность. Так, например, в рассматриваемой сцене Мавра замечает о Ханжахиной: «Не можно никак к ней примениться, странный весьма человек...» И тут же поясняет: «Говорит, что грешно осуждать ближнего, а сама всех судит, о всех переговаривает; особливо молодых барынь терпеть не может; и кажется ей, что они все не так делают, как бы по мнению ее делать надлежало».[25] Черта, введенная императрицей, будто бы списана с натуры, позаимствована у реального лица. Но у кого? Перелистаем «Записки» Екатерины: «Моя дорогая тетушка была очень подвержена такой мелочной зависти не только в отношении ко мне, но и в отношении ко всем другим дамам; главным образом преследованию подвергались те, которые были моложе, чем она».[26] Это об императрице Елизавете Петровне, причем слова Екатерины справедливы и подтверждаются сохранившимися документами.[27] С самой неприглядной стороны рисуется в мемуарах частная жизнь Елизаветы, «очень снисходительной к себе самой и более чем строгой к другим».[28] Екатерина не упускает случая заметить: «...мы знали о неправильной жизни, какую вела сама наша дорогая тетушка...»[29] и более того, проиллюстрировать свою мысль: «...ночь она проводила без сна с теми, кто был допущен в ее интимный

дважды в ревностном пылу ей молитвенником в голову бросала, потому как за бесстыдство это почитает, да и пение вынуждена прервать» (*Gellert C. F.* Gesammelte Schriften. Berlin; New York, 1988. Bd. 3: Lustspiele. S. 65).

24 Сочинения императрицы Екатерины II / На основании подлинных рукописей и с объяснит. примеч. А. Н. Пыпина. СПб., 1901. Т. 1. С. 6.

25 Сочинения Императрицы Екатерины II. Т. 1. С. 6.

26 Записки императрицы Екатерины Второй / Пер. с подлинника, изд. имп. Академией наук. СПб., 1907. С. 139.

27 См., например: ЦГАДА, ф. 2, № 91; ф. 156, № 20, л. 63—63 об.

28 Записки императрицы Екатерины Второй. С. 68.

29 Там же. С.80.

круг, она ужинала иногда в два часа пополуночи, ложилась после восхода солнца, обедала около пяти или шести часов вечера и отдыхала после обеда час или два, между тем как нас с великим князем заставляли вести самый правильный образ жизни: мы обедали ровно в полдень и ужинали в восемь часов, и все было кончено в десять».[30]

А сколько ироничных, подчас даже злых строк посвящено набожности Елизаветы, ее поездкам на богомолье, которые могли быть отменены из-за пустяковой причины, рукоприкладству или умелому использованию тайны исповеди в низких, корыстных целях. Словом, императрица Елизавета в «Записках» Екатерины выступает если не в роли ханжи, то уж, по крайней мере, в роли человека, к которому, по словам Мавры, «не можно никак примениться».

Но, естественно, Елизавета не могла быть прототипом Ханжахиной: ее истинный прототип фрау Рихардинн из пьесы Геллерта. В чем же дело? На наш взгляд, ситуация объясняется тем, что время работы над комедиями и «Записками» отчасти совпадает — это 1771 г. К характеристике ханжества, данной Геллертом, Екатерина прибавила несколько реальных, хорошо знакомых ей черт, но имея не талант, а лишь литературные навыки, она, работая над образами Ханжахиной и Елизаветы Петровны, вольно или невольно смешивала краски, тем более что материал представлял такую возможность. Именно потому некоторые черты фрау Рихардинн проявились в портрете «дорогой тетушки», а штрихи характера Елизаветы исподволь проникали в образ Ханжахиной.

Склоняя пьесу на российские нравы, Екатерина нашла место и одной весьма необычной детали. Служанка Мавра, искренне любящая внучку Ханжахиной — Христину, доверительно сообщает: «Она ничему не учена и грамоте украдкою у меня училась, для того что бабушка ее всегда боялась, чтобы, научась грамоте, не стала писать любовных писем».[31] Такой подробности в пьесе Геллерта нет. Слова Мавры лишь отдаленно перекликаются с пространным обещанием Лорхен взять на себя роль светской воспитательницы Христины, но у Геллерта и Екатерины речь идет о совершенно разных вещах.[32] Лорхен — дальняя родственница Христины, т. е. занимает

---

[30] Там же. С. 66.

[31] Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 1. С. 21.

[32] Лорхен говорит: Ich will um ihre Braut seyn. Ich will sie in Gesellschaft bringen. Ich will mit ihr reden. Ich will ihr gute Bücher, vernünftige Romane vorlesen. Ich will ihr so viel Französisch lernen, als ich kann. Sie soll allemal über den andern Tag einen Brief an Sie schreiben» (Gellert C. F. Gesammelte Schriften. Bd. 3. S. 80.).

ней общественное положение, да и цель ее — пробудить и придать лоск природным задаткам подопечной. Иное дело Мавра. Ей, служанке, обязана Христина тем, что грамоту разумеет. Ситуация в комедии «О, время!» больше напоминает не пьесу Геллерта, а вполне конкретный эпизод из жизни российского двора времен Елизаветы, когда, отстранив В. Е. Ададурова, дававшего великой княгине уроки русского языка, «императрица,— по воспоминаниям Екатерины,— нашла нужным дать мне вдруг восемь русских горничных; была только одна между ними, которая знала по-немецки, да моя, которую я привезла; благодаря этому я очень скоро сделала быстрые успехи в русском языке».[33] По-видимому, не случайно спустя десятилетия Екатерина доводит до гротеска слова Лорхен и вкладывает их в уста смышленой служанки.

Подобный же прием использован и в замечательной комедии «Госпожа Вестникова с семьею». Сама Вестникова, глупая и никчемная барыня, вдруг оживляется, говоря об игрушках для внука: «Я любила всегда хорошенькие игрушечки. Я б и теперь играла в куклы, если б не стыдно было. Мне не давали доиграть, молоду выдали замуж. Я еще сама величиною с куклу была, как я сына, а год спустя дочь родила».[34] Так выглядит текст в рукописи (автограф И. П. Елагина), с небольшими изменениями реплика перенесена и в первое издание.

На страницах «Записок» также встречается герой, который «любил до безумия» детские игрушки, но в силу обстоятельств «не посмел бы ими воспользоваться в своей комнате». Речь идет о муже Екатерины — великом князе Петре Федоровиче. Спустя годы после его смерти императрица саркастически повествует, как камер-фрау «приносила ему столько кукол и игрушек, что вся постель ими была покрыта. Я им не мешала, но иногда меня немножко бранили за то, что я не принимала достаточного участия в этой приятной забаве...»[35] Такое увлечение взрослого человека показалось Екатерине настолько точной характеристикой умственных способностей мужа, что она повторяет эту подробность во всех редакциях «Записок».[36]

---

[33] Записки императрицы Екатерины Второй. С. 64.

[34] ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 331, л. 2.

[35] Записки императрицы Екатерины Второй. С. 107.

[36] Страсть великого князя Петра Федоровича к игрушкам, вероятно, и на самом деле носила пагубный характер. Так, например, в проекте инструкции Елизаветы для имярека, который должен выполнять обязанности воспитателя при восемнадцатилетнем (!) наследнике, подчеркнуто, что утренние часы отведены для занятий: «Вам же всемерно препятствовать надлежит чтению романов, игранию на инструментах, егерями или солдатами, или иными игрушками и всякие шутки с пажами, лакеями или иными негодными и к наставлению неспособными людьми» (ЦГАДА, ф. 2, оп. 1, № 75, л. 9 об).

Характерно. что «царской» чертой награждается именно Вестникова, не способная управлять ни домом, где царят деградация и запустение, ни самою собой. Кстати, с куклой не расстается и Вестникова-младшая, которую матушкино воспитание из слабоумной сделало полоумной.

Думается, нет надобности подчеркивать, что Вестникова так же далека от Петра III, как юная Христина от Екатерины II. Императрица не создавала портретов, а лишь заимствовала из анналов памяти любопытные подробности, позволяющие, на ее взгляд, приблизить пьесы к жизни. Повторенный многократно, такой прием стал одной из характерных особенностей ее творческого метода. Не умея писать характеры, вывести на сцену по-настоящему реальных героев, она наделяла их чертами-характеристиками, которые придают образам необходимую конкретность и легко прочитываются публикой. Скорее всего, сама императрица считала такой подход несомненной творческой удачей, поскольку в письме к Вольтеру от 6 (17) октября 1772 г., оценивая достоинства анонимного сочинителя «новых русских комедий», она прежде всего выделяет типичность персонажей, подчеркивает, что герои автора буквально «сняты с натуры, которая у него перед глазами».[37]

Но, пожалуй, самое наглядное подтверждение использования императрицей некоторых черт реальных лиц находится не в ранней, а в зрелой комедии Екатерины — пьесе «Шаман Сибирский» (1786). Сравним рассказ третьей части «Записок» с первой сценой «Шамана», когда Бобина узнает, что дочь ее не одета, а лежит «между двух добрых перин на кровати»:

ЗАПИСКИ

Часто она по ночам вставала и подходила к своей спящей дочери, чтобы посмотреть, как она уверяла, не умерла ли эта дочь, которую она обожала; очень часто она даже будила ее, чтобы убедиться, что ее сон не был обмороком...[38]

ШАМАН СИБИРСКИЙ

Бобина. Спала дурно... что ли?

Мавра. Да.

Бобина. Что ж тому причиною?

Мавра. Покою не даете ей вы сами.

Бобина. Сердце, право, не на месте, когда сама не посмотрю, какова дочь моя Прелеста!

---

[37] Бумаги императрицы Екатерины II Т. 3. С. 278.

[38] Записки императрицы Екатерины Второй. С. 166.

Мавра. Ну как испугается она во сне?

Бобина. Вить я, подходя... легонько ...рукою лишь коснуся до нее...мне бы узнать только, холодна ли иль тепла, и по тому сужу об ней, жива ли иль нет...

Мавра. Живехонька![39]

Совпадение, как видим, полное, причем любовь к дочери — единственная черта, на которой строится вялый, явно неудачный образ Бобиной. Дневник А. В. Храповицкого называет еще два персонажа, в которых при желании можно угадать современников Екатерины,— это «вечная невеста» Аграфена Машкина («Шаман Сибирский») и торговец подрядами Услужников («Расстроенная семья...», 1788). Но стоит ли множить примеры?..

В начале семидесятых годов, строя образы на вполне реальных и достоверных чертах, императрица сделала достаточно смелый шаг в становлении русской бытовой комедии. И хотя такой подход был далек от истинной типизации и психологичности, тем не менее он по-своему отразил общую тенденцию сближения драматургии с жизнью, а потому и оказался счастливым для судьбы ранних комедий. Однако в восьмидесятые годы стремительное развитие драматургии и появление на русской сцене «Недоросля» сделали недостаточным лишь осмеяние пороков — необходимо было исследовать и правдиво показать зрителям и причины их возникновения, и последствия пагубного воздействия. Такая задача требовала нового сценического подхода, новой образной системы и языка. Напротив же, комедии, написанные Екатериной в это время, схематичны, они заметно уступают не только произведениям других авторов, но и собственным ее ранним пьесам. Художественному исследованию она предпочитает политическое назидание, сатире — комичность ситуаций и даже найденный в семидесятые годы прием использует вяло и механически. Несмотря на все старания Екатерины и приближенных, поздние комедии не имели истинного успеха. Живое остроумие ранних пьес осталось непревзойденным в творчестве императрицы, так и не сумевшей диктовать свои законы своенравной музе комедии — Талии.

---

[39] Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 1. С. 350.